

О.В. Яншина

ПЕРЕХОД ОТ ПАЛЕОЛИТА К НЕОЛИТУ В БАССЕЙНЕ ЯПОНСКОГО МОРЯ: ОТКРЫТИЯ, ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ

Последние десять-пятнадцать лет принесли дальневосточной археологии много замечательных открытий. В их числе и находки древнейшей в мире керамики, вокруг которых сложилось одно из самых динамично развивающихся направлений исследований, связанное с определением сущности и конкретных механизмов процесса неолитизации. К этим разработкам приковано внимание всех исследователей древнейшего прошлого Северной Евразии, ибо они открывают новые и неожиданные перспективы для осмысления таких важных для отечественной археологии понятий, как мезолит и неолит.

Основная задача настоящей публикации — дать критический обзор современного состояния исследований данной проблематики.

Для начала рассмотрим, на что обращают внимание исследователи в связи с анализом памятников переходного от палеолита к неолиту этапа. Прежде всего в их трудах заметно одно общее стремление — интерпретировать все происходящие перемены как постепенное разворачивание процессов неолитизации. Что касается вопроса о содержании процесса неолитизации, то он решается в двух аспектах. С одной стороны, иссле-

дователи работают в традиционной для археологов плоскости и разрабатывают археологические аспекты данной проблематики. В данном случае под неолитизацией понимается появление и распространение в комплексах переходных памятников тех черт, которые составляют основу классических культур неолита. С другой стороны, они активно обсуждают социально-экономические или хозяйственные составляющие происшедших перемен. Предполагается, что переход к неолиту в регионе начался вследствие глобального кризиса верхнепалеолитической системы жизнеобеспечения, вызванного серьезными перестройками природно-климатической среды, и стал возможен за счет существования здесь благоприятной ресурсной базы для развития морского промысла и освоения лососевого нерестового феномена (Васильевский и др., 1997; Охотники-собиратели... 2003; Василевский, 2000). Содержание процесса неолитизации в этом случае понимается, таким образом, как постепенный переход к эксплуатации речных и морских ресурсов.

Отправной точкой в системе аргументации изложенной концепции является констатация

того факта, что процесс перехода от палеолита к неолиту проходил в регионе в условиях сложной экологической ситуации, обусловленной неоднократными перестройками природной среды — климата, растительности, ландшафтов. Наиболее важным следствием этих перемен было изменение ресурсной базы. В этой связи обычно отмечают два обстоятельства: постепенное вымирание плейстоценовой фауны, являвшейся основным источником пропитания палеолитического человека, и создание благоприятных условий для эксплуатации морских и речных ресурсов, в первую очередь — нарастание биомассы нерестовых рыб. Именно эти два обстоятельства и привели со временем к сложению неолитического комплекса.

В дальневосточной археологии проводится большое количество исследований, направленных на реконструкцию природно-климатической среды и ее динамики в конце плейстоцена — начале голоцена. Однако все эти данные пока плохо коррелируются с динамикой культурных изменений на этом этапе. В этом отношении очень показательны обобщающие палеогеографические и археологические данные исследования, направленное на выделение основных природно-культурных этапов на юге Дальнего Востока России (Кузьмин, 2005). Очень ценным методическим подходом этой работы является использование для реконструкции хозяйственно-культурных типов древнего населения только достоверных данных о находках животных и растений в культурных отложениях. Любопытно и, по-видимому, не случайно, что финал плейстоцена и начало голоцена оказались не связаны на юге Дальнего Востока России с какими-либо перестройками хозяйственных систем. Этот период целиком укладывается в рамки первого «природно-культурного» этапа (40000–63000 л.н.), для которого было характерно присваивающее хозяйство, основанное на охоте и собирательстве. Внутри этапа выделяются два подэтапа, рубежом между которыми является окончательное вымирание плейстоценовой фауны, произошедшее в интервале 15000–12000 л.н. (Там же, с. 192). На первом преобладала охота на плейстоценовую фауну, на втором — на животных среднего размера.

Рассмотрим теперь археологические данные, свидетельствующие о постепенном сложении в конце плейстоцена — начале голоцена рыболов-

ческой ориентации хозяйства. Прямые доказательства дают нам только материалы Японского архипелага. Самая ранняя находка костей здесь связана с памятником Маэдакоти культуры микосиба в округе Токио, существовавшей 13000–10000 л.н. (Боднев, 2001, с. 24–25). Культура микосиба представляет собой очень яркое явление. Для ее комплексов характерны уже сложившаяся неолитическая триада (наконечники, тесла и топоры с частичной пришлифовкой, керамика), микропластинчатая индустрия. В культурных отложениях памятника найдены тысячи остатков лососей в виде зубов и костей. Любопытно, что вместе с ними найдено более 2000 ретушированных наконечников, которыми, как предполагают исследователи, и велся промысел (Икава-Смит, 2005). Самая ранняя раковинная куча — непосредственное свидетельство морской адаптации — связана с памятником Нацусима, расположенным на берегу Токийского залива и имеющим датировки порядка 9500 л.н. По мнению исследователей, обращение древних обитателей Японского архипелага к ресурсам моря и рек могло существовать в верхнем палеолите — 15000–13000 л.н. (Табарев, 2004, с. 12) и даже ранее (Икава-Смит, 2005).

Веским доказательством переориентации древнего человека на использование ресурсов рек и моря считаются специфические орудия труда, связанные с рыбным промыслом. В дальневосточных памятниках конца плейстоцена — начала голоцена к таковым относят грузила, рыбные ножи и пешни для колки льда (топоры с ушками).

Самая ранняя в регионе (только по российской части) находка грузила была сделана на ст. Суворово 4 (15900±120 — 15105±110 л.н.) (здесь и далее, если не оговорено другое, приводятся некалиброванные даты по: Кузьмин, 2005), но это практически единственная находка грузил на верхнепалеолитических памятниках. Оно представляло собой округлую гальку с двумя противоположными выбоинами для крепления веревок. В памятниках осиповской (13260±100 — 9890±230 л.н.), граматухинской (11234±60 — 9895±50 л.н.) и новопетровской (12720±130 — 9765±70 л.н.) культур находки грузил, правда единичные, встречаются уже практически во всех местонахождениях, при этом здесь найдены также грузила иной модификации — на гальке

с проточенным желобком для крепления веревки (Амур 2, Осиновая Речка 16). Любопытной находкой на памятниках осиповской культуры становятся очень крупные грузила с проточенными крест-накрест желобками, которые интерпретируются как сетевые якоря (Медведев, 2005, с. 240; Шевкомуд, 2003, с. 67). По-видимому, это означает, что уже 13000–10000 л.н. носители осиповских традиций использовали в своем хозяйстве лодки. Впрочем, есть мнение, что находки грузил и сами по себе определенно свидетельствуют об использовании лодок, так как без них развитие сетевого рыболовства невозможно (Эверстов, 1988, с. 8).

Рыбные ножи в памятниках финального плейстоцена — раннего голоцена представляли собой бифасиально обработанные изделия. Отнесение их к разряду рыбных ножей основывается главным образом на их характерной форме, главной чертой которой является тупой угол сочленения (130°–150°) длинной оси рукоятки и основного рабочего края. В традиционных культурах тихоокеанского Севера известны массовые аналогии им среди разделочных рыбных ножей. Трасологический анализ показал, что помимо особой формы для рыбных ножей характерна и специфическая локализация следов износа — концентрация их у дальнего от рукоятки края лезвия (Волков, 1999, с. 50). Возникновение таких специализированных инструментов могло быть связано, что очень важно, с переходом к массовой обработке (заготовке) рыбы, так как по материалам этнографических культур известно, что такие ножи значительно ускоряли процесс разделки рыбы — это были уже специализированные инструменты (Там же, с. 49–51).

Самые ранние находки рыбных ножей (так же, как и в случае с грузилом) связаны с устиновским памятником Суворово 4. Здесь их найдено сразу два (Васильевский и др., 1997, с. 107; Крупянко, Табарев, 2001, с. 26). Неоднократной находкой становятся такие ножи на Амуре в памятниках последнего этапа развития селемджинской культуры (Змеиная сопка, Баркасная Сопка 2, 3, Гарская протока 1, Створ 53, Усть-Ульма); радиоуглеродные датировки отсутствуют, относительные — 13000–10000 л.н. (Деревянко и др., 1998, с. 49). Данные по другим памятникам и культурам региона переходного этапа отсутствуют.

Пешни для колки льда найдены пока только в памятниках последнего этапа развития селемджинской культуры (Там же, с. 56). В литературе изделия этого типа обычно называются топорами с ушками, но экспериментально-трасологическое исследование показало, что они использовались для колки льда. Такие пешни очень характерны для районов Восточной Сибири и Якутии. Не случайно, видимо, они были найдены и в соседнем с ними регионе — на Среднем Амуре (Волков, 1999, с. 42–45).

Приведенная здесь характеристика орудий труда, связанных с рыболовным промыслом, конечно, неполная: какие-то материалы не попали в поле нашего зрения, какие-то не имеют пока точной атрибуции, о каких-то нет информации в литературе. Кроме того, обычно такие орудия изготавливались из органических материалов, которые в регионе практически не сохраняются (Табарев, 2006, с. 127–129). И все же даже этот перечень отражает специфику общей ситуации: малочисленность находок в целом, коллективные формы рыболовства с помощью сетей (грузила) и вероятность массовой обработки-заготовки рыбы (рыбные ножи).

Одной из любопытных и очень показательных находок в памятниках переходного этапа от палеолита к неолиту является целая серия фигурок из камня: есть такие фигурки в материалах селемджинской (Баркасная сопка 3) и осиповской (Гончарка 1) культур, в памятниках устиновской традиции (Устиновка 1, 3; Горбатка 3), а также в материалах ст. Огоньки на Сахалине. Все они, за исключением одной (ст. Устиновка 1), представляют собой изображение рыб, предположительно лососевых, и соотносятся с временным интервалом 13000–10000 л.н. Исследователи отмечают важность как самого факта появления такого рода артефактов, свидетельствующих об усложнении духовной сферы, так и того, что главным образом палеоглиптики в регионе становится рыба, лосось, что подтверждает направленность общей эволюции региона в период неолитизации (Табарев, 2001; Гаврилова, Табарев, 2004).

Немаловажное значение в доказательствах раннего рыбловства отводится топографии стоянок. В этом отношении интересны наблюдения, касающиеся уже упоминавшейся культуры микосиба. Если на первом этапе ее существования, когда в комплексах отмечается еще заметное при-

сутствие пластинчатого компонента и малое количество наконечников, стоянки древних людей находились на возвышенных участках, то на втором этапе существования, когда уже полностью сформировался неолитический комплекс, поселения располагались уже в слое гальки у самой кромки воды и даже на затопляемых участках берега (Боднев, 2001, с. 24).

Для Приморья также сделаны подобные наблюдения. Все устиновские памятники приурочены, с одной стороны, к местам впадения ручьев в более крупные реки и, с другой стороны, к выходам каменного сырья (Жрупянку, Табарев, 2001, с. 53). Своим расположением среди них выделяются памятники Суворово 4 и Суворово 6, для которых связь с выходами сырья не фиксируется; одновременно для них характерно серийное присутствие в комплексах деревообрабатывающих инструментов, в том числе рубящих, на одном из них также найдено грузило и два рыбных ножа. Все это, по мнению исследователей этих памятников, свидетельствует об ориентации по крайней мере данной группы памятников на ресурсы реки (Васильевский и др., 1997, с. 12). Отметим, что памятники осиповской, граматухинской и новопетровской культур также были приурочены к берегам рек.

И, наконец, керамика. Сейчас известна уже целая серия памятников с ранней керамикой: Усть-Ульма и Громатуха на Среднем Амуре, Гася, Хумми, Осиповка, Гончарка 1, Амур 2, Новотроицкое 10, Осиповка 10, 16 на Нижнем Амуре, Устиновка 3 и Черниговка-Алтыновка в Приморье, десятки памятников в Японии. Радиоуглеродные датировки этих памятников, большей частью сделанные на основании проб угля из слоя, указывают, что самые ранние даты попадают на рубеж 13000 и 14000 л.н., а на интервал между 12000 и 9000 л.н. приходится большая часть дат (Жушиховская, 2002; Гарковик, 2005; Кузьмин, 2004 и др.). Считается, что керамическая посуда понадобилась древнему человеку в связи с освоением морских и речных ресурсов. Однако в свете последних исследований представляется, что появление ее на рубеже плейстоцена и голоцена могло быть связано и с другими факторами.

Совершенно исключено, что к концу плейстоцена люди не знали основных свойств глины — ее пластичности и того, что она каменеет после

обжига. Первые образцы использования глины, как известно, отстоят от нас более чем на 20000 л.н. (Васильев, 1996; Любин, 1991; Праслов, 1992; Adovasio et al., 1996 и др.). Зависимые от сырья, необходимого для развития каменных индустрий, верхнепалеолитические люди были прекрасными геологами и знали то, что лежит у них под ногами, гораздо лучше нас. Поэтому отсутствие керамической посуды в донеолитических комплексах может объясняться двумя причинами: либо им не нужны были керамические емкости, либо они просто не умели их изготавливать. Причем в последнем случае трудно предположить, что они не умели лепить из глины посуду, скорее трудности возникали на этапе обжига — самом сложном в технологической цепочке производства керамической посуды. Даже обладая современным знаниями и средствами, человек не сразу принаравливается к обжигу глиняных изделий на костре и в примитивных печах. Здесь необходим опыт управления огнем.

В этой связи хотелось бы напомнить, что в комплексах транзитного периода или раннего неолита встречаются просто камни и артефакты со следами воздействия огня. Было установлено, что по крайней мере на устиновских памятниках люди использовали тепловую обработку для улучшения качества сырья с целью последующего изготовления изделий отжимной ретушью. Эксперименты по тепловой обработке устиновского сырья показали, что введение такой промежуточной стадии в процесс изготовления орудий требовало от мастеров эффективных способов управления огнем. Участники эксперимента сообщают, что наиболее приемлемой для тепловой обработки была температура порядка от 250° до 650° — это примерно тот уровень, при котором обжигалась керамика всю эпоху неолита. В зависимости от породы, подвергаемой тепловой обработке, должны были меняться в указанных пределах как тепловой режим, так и время выдержки камня в огне. Пагубное воздействие на операцию оказывали резкие повышения и понижения температуры. Для нейтрализации некоторых неблагоприятных факторов пришлось использовать дополнительные меры, такие как подсыпка песка, выстилка очага берестой. При несоблюдении некоторых условий результат оказывался плачевным, сырье растрескивалось от теплового шока.

В этом эксперименте обращает на себя внимание то обстоятельство, что для успешной тепловой обработки камня мастерам требовались те же навыки управления огнем, что и для обжига керамики. Нужно было научиться достигать определенного температурного порога, обеспечивать выдержку изделий при определенной температуре, уметь регулировать теплообмен с почвой и воздухом (Кононенко, 1996; Охотники-собиратели... 2003).

Данный сюжет показывает, что раннее появление керамики в регионе могло быть связано с успехами древнего населения бассейна Японского моря в освоении теплотехники, а не только с приморской адаптацией. В контексте этих рассуждений хотелось бы обратить внимание и на то, что керамика в дальневосточном регионе появляется в комплексах вместе с наконечниками стрел, и сопряженность эта очень строгая, что заставляет думать о ее неслучайном характере (Кононенко, 1996, с. 129). Может быть, это как-то связано с тем, что создатели наконечников стрел владели определенным уровнем теплотехники, может быть, объяснение лежит в другой сфере, но данное совпадение имеет исключительно важное значение.

Другой аспект вопроса о возможной связи керамической посуды с приморской адаптацией — функциональное назначение керамической посуды. У исследователей как будто не вызывает возражения тот факт, что в ранней керамической посуде пища подвергалась термической обработке. Это значит, что существенные перемены произошли в системе питания населения. Однако доказательств того, что керамическая посуда использовалась для приготовления и обработки продуктов рыболовного промысла, нет. Исключительное значение поэтому имеют результаты липидного анализа археологической посуды эпохи раннего неолита, ибо, по сути, только они могут дать прямой ответ на интересующий нас вопрос. Пока такие анализы не приобрели массовый характер, но уже полученные результаты показывают использование посуды для приготовления растительной и мясной пищи, что как будто также не подтверждает версию о приморской адаптации (Kuzmin, 2003, p. 1).

В этой связи любопытны данные японских исследователей, обнаруживших на ряде памятников западной части Японии (Higashi-Kuro-

tsuchda, 11300±300 bp) ямы для хранения желудя — одного из основных продуктов собирательства на этой территории (что, кстати, является прекрасной иллюстрацией «психологической готовности» древнего населения той поры и к заготовкам лосося). Разновидность найденных в ямах желудей не могла использоваться в пищу без предварительной обработки с целью удаления из них вредных дубильных кислот. Это свидетельствует о возможном использовании ранних керамических сосудов для вымачивания (кипячения) желудей (Junko, 2004, p. 65–66).

Древнейшая керамика Южного Китая в некоторых случаях найдена в одном контексте с зернами злаков — найдены сосуды с отпечатками зерен (Underhill, 1997). Пока идет дискуссия, являются они дикими или уже культурными, но для наших рассуждений это даже не имеет значения. Очевидно, должен был быть какой-то период, причем довольно длительный, возделывания злаков, чтобы они изменили свои морфологические параметры. По-видимому, научившись обжигать керамические контейнеры, люди стали использовать их для приготовления самых различных видов пищи — тех, к которым они привыкли.

Таким образом, учитывая археологические находки, отрицать переход к использованию речных ресурсов, главным образом лососевых, на этапе перехода от палеолита к неолиту, по-видимому, бессмысленно, несмотря даже на то, что основная часть аргументов для территории юга Дальнего Востока России косвенная. Однако если сравнить данные, имеющиеся у дальневосточных археологов, с теми, что имеют место в других регионах Северной Азии на том же этапе развития, то мы увидим, что они мало чем отличаются друг от друга. В Восточной Сибири известна целая серия памятников сартанского времени, где в мамонтовом комплексе были найдены кости рыб различных пород (Эверстов, 1988). Рыболовные орудия труда в этих памятниках отсутствуют и появляются в самом конце плейстоцена — начале голоцена.

В таких условиях говорить о какой-то специфике или особенно раннем появлении рыболовства на юге Дальнего Востока не приходится. В то же время нельзя не обратить внимание и на одно явное отличие. В памятниках Восточной Сибири первыми рыболовческими инструментами были крючки и гарпуны, тогда как в бассейне Япон-

ского моря — грузила, отражающие совершенно иной тип рыболовства — с помощью сетей. На этом фоне может быть не случайно и раннее появление в дальневосточных памятниках рыбных ножей специфической формы, предназначенных для массовой обработки рыбы.

В целом имеющиеся на руках у археологов факты говорят о том, что нерестовый феномен действительно мог влиять на древнее население юга Дальнего Востока, но лишь в той части, которая связана с определением конкретных форм рыболовства; данных, свидетельствующих об особенно раннем формировании рыболовства, пока нет.

В рамках содержательного подхода к пониманию процесса неолитизации особые трудности у исследователей вызывает анализ каменных индустрий. В литературе этому уделяется очень большое внимание (Кузнецов, 1986, с. 23–24; 2002, с. 77–84; Табарев, Крупянко, 1998, с. 158; Крупянко, Табарев, 2001, с. 60; Табарев, 2006, с. 314–316; Кузьмин, 2002, с. 65–67; Охотники-собиратели... 2003; Деревянко и др., 1998; Василевский, 2003; 2005). Заметно стремление исследователей выявить именно в этой сфере движущие силы, источники и конкретные механизмы процесса неолитизации, а также причины столь раннего его разворачивания в регионе.

Общую тенденцию в развитии камнеобработки в регионе на этапе перехода от палеолита к неолиту отражает приход на смену верхнепалеолитическим индустриям сразу двух новых технокомплексов. Будем называть один из них бифасиальным, или неолитическим (осиповские и граматухинские памятники, Устиновка 3), а второй — призматическим (Новопетровка, маринская культура, Ветка). Основанные на убеждениях о необходимости соблюдения исключительно технической основы для построения археологических периодизаций, дальневосточные исследователи, оценивая эту ситуацию, задаются следующим вопросом: «Если мы имеем два разных по характеристикам каменных изделий технокомплекса, включающих раннюю керамику в одном регионе на определенном этапе времени, то каковы у нас будут критерии самой эпохи неолита?» (Кузнецов, 2002, с. 80).

Все это отражает некий кризис в традиционном для отечественной археологии исключительно «техническом» понимании задач археологи-

ческой периодизации. Сторонники содержательного подхода к пониманию процессов неолитизации оказываются не в состоянии доказать связь между теми или иными закономерностями в эволюции каменных индустрий и переходом населения к эксплуатации речных и морских ресурсов. Во-первых, это происходит в регионе на фоне одновременного развития сразу нескольких разных техник: в начале это была верхнепалеолитическая микропластинчатая, затем ей на смену пришли бифасиальная и призматическая. Во-вторых, нельзя исключать, что каменные индустрии во многом развивались исходя из своей собственной логики, а не как ответ на вызовы окружающей среды.

Интересен, впрочем, другой вопрос: почему после некоторого периода «соперничества» бифасиального и призматического технокомплексов первый одержал все-таки победу, именно он в конце концов становится визитной карточкой неолита Северной Евразии. В чем состояли его преимущества с точки зрения формирующегося неолитического хозяйственно-бытового уклада? В этом отношении выглядят очень убедительно наблюдения специалистов, касающиеся большей эффективности бифасиально обработанных орудий труда.

Во-первых, совершенно очевидно, что на определенном этапе преимущества орудий цельного типа перед составными стали осознаваться древними охотниками и рыболовами вполне определенно (Фудзимото, 1990; Кононенко, 1994, с. 125).

Во-вторых, по-видимому, в процессе постепенного совершенствования отжимной техники были найдены и эффективные способы получения таких орудий. Не случайно большое значение дальневосточные исследователи придают появлению в комплексах переходного этапа изделий с тонкой отжимной ретушью. Последняя стала, по их мнению, важным техническим открытием и венцом развития бифасиальной и микропластинчатой техник. Использование отжимной ретуши позволило свести к минимуму процент брака, максимально повысить эффективность изделий и с точки зрения их поражающих способностей, и с точки зрения надежности крепления. Кроме того, она дала возможность существенно расширить специализацию изделий (Васильевский и др., 1997, с. 57–59).

В-третьих, новая форма и способы получения орудий труда, без всяких сомнений, снижали зависимость древнего человека от источников каменного сырья, что, по-видимому, открывало перед ним весьма широкие перспективы. Дальневосточные исследователи отмечают, что для призматической техники расщепления требовалось сырье высокого качества, тогда как получение отщепов и их дальнейшая бифасиальная обработка предъявляли к сырью гораздо меньшие требования. Ослабление связи всей системы жизнедеятельности человека с выходами сырья высокого качества — одна из характерных примет времени перехода от палеолита к неолиту. В классических культурах неолита, по крайней мере в бассейне Японского моря, такая связь исчезает практически полностью (Крупянку, 1996, с. 151).

В свете этих последних наблюдений находят свое объяснение и другие явления, отмечающиеся в регионе при переходе от палеолита к неолиту.

В конце плейстоцена — начале голоцена в бассейне Японского моря начинается обсидиановый обмен. Своего наивысшего развития он достигает на этапе максимального развития микропластинчатых комплексов, отражая высокую степень привязанности верхнепалеолитических индустрий к качественному сырью. На Сахалине обсидиановые миграции зафиксированы уже начиная с 19000 л.н. (Огоньки 5), они соединили Хоккайдо, Курилы и Сахалин (Василевский, 2005). По материалам Сахалина отчетливо заметно, что в эпоху классических культур неолита здесь уже использовалось преимущественно местное сырье, а преобладающим типом заготовок служили удлиненные отщепы (Василевский, 2003, с. 37). В Приморье единичные изделия из обсидиана появляются в устиновских памятниках примерно 12000 л.н. Источником для них служили обсидианы из континентальной части Приморья и, в меньшей степени, вулкана Пектусан в Корее (Крупянку, Табарев, 2001; Кузьмин и др., 2002; Кузьмин, 2005).

Любопытно, что устиновские памятники, расположенные на восточном побережье Приморья и отдаленные от источников обсидиана на 190–240 км, стали основой для раннего формирования бифасиального технокомплекса (Устиновка 3), тогда как памятники, расположенные в центральной части Приморья непосредственно у вы-

ходов обсидианового сырья, напротив, долго сохраняли микропластинчатую, в том числе и микропризматическую технику. На территории Приамурья обсидиан не играл существенной роли в развитии каменных индустрий, но даже те немногие его находки, которые были все-таки сделаны в памятниках рубежа плейстоцена-голоцена, свидетельствуют о широких контактах местного населения как минимум с соседями из Приморья (Попов и др., 2006). Следует добавить, что и сами по себе обсидиановые миграции, по-видимому, являлись важным фактором развития древних сообществ, обеспечивая культурный обмен и подготавливая тем самым почву для технологического (и социального) прогресса во всем регионе бассейна Японского моря.

Есть интересный аспект и в сюжете, связанном с отжимной ретушью. Дело в том, что, как уже отмечалось выше, для успешного применения техники отжимной ретуши требуется сырье высокого качества. В этой связи исследователи устиновских памятников Приморья обратили внимание на то, что в их комплексах, несмотря на низкое в целом качество сырья, имелись довольно представительные серии изделий, обработанных отжимной ретушью. Кроме того, многие артефакты имели следы воздействия огня. На основании этих наблюдений было сделано предположение о существовании промежуточной технологической стадии тепловой обработки сырья (Кононенко, 1996, с. 126–129; Охотники-собиратели... 2003).

По результатам экспериментальных работ с устиновским сырьем, отжимная ретушь сопряжена с большими трудностями в силу вязкости и зернистости пород. А эксперименты по тепловой обработке устиновского сырья показали, что при правильном подборе условий обжига тепловая обработка улучшает исходные качества сырья и значительно облегчает отжимную ретушь, кроме того, изделие получает более тонкий и ровный край. Сравнение экспериментальных и археологических образцов со ст. Устиновка 3 показало наличие в комплексе последней изделий с предварительной тепловой обработкой. Все это, по-видимому, отражает усилия древнего человека, направленные на освобождение от власти природы.

Для характеристики процесса неолитизации важное значение отводится появлению в комп-

лексах некоторых других новаций. Одна из них связана с возникновением техники шлифования. Первые свидетельства ее применения фиксируются еще в типично верхнепалеолитических контекстах (Крупянку, 1988; 1991; Кононенко 1994, с. 126–128). Это находки в памятниках позднего палеолита шлифовальных плиток для обработки органических материалов, а также отдельных орудий со следами пришлифовки: ножей (Суворово 4, Усть-Ульма, Гася, Осиновая Речка 16), рубящих изделий (Огоньки 5, Гончарка 1, Устиновка 3, Устиновка 4, Гася и др.), наконечников стрел (Устиновка 4, Гончарка 1, Осиновая Речка 16), отщеп-резчика (Устиновка 4).

Первоначально шлифованию подвергались породы камня, мало пригодные для абразивной обработки, что требовало больших затрат времени и сил; обрабатывались также и те части инструментов, которые не имели функциональных качеств. Лишь со временем, уже в неолите, техника шлифования приобрела законченные формы, было найдено подходящее сырье — сланец, и определен круг инструментов, требующих ее применения — топоры, тесла, наконечники стрел, украшения (Кононенко, 1994).

Появление техники шлифования тесно связано с появлением рубящих орудий. Очевидно, этот прием значительно упрощал изготовление таких крупных изделий. Исследователи отмечают, что с точки зрения неолитизации важен не столько сам факт присутствия топоров и тесел в комплексах, сколько их функциональная направленность, связь с деревообработкой. Именно увеличение числа деревообрабатывающих инструментов, их видового разнообразия и специализации свидетельствует о постепенном процессе перехода населения к новым неолитическим формам хозяйствования, в которых большую роль играла деревообработка — при изготовлении жилищ, плавсредств, в рыбном промысле (Васильевский и др., 1997). Самые ранние находки топоров сделаны на Сахалине в комплексе нижнего горизонта поселения Огоньки 5 (19440±140 — 18920±150 л.н.). Всего здесь было обнаружено три изделия: тесло из базальта с частичной подшлифовкой лезвия и два тесловидно-скребловидных орудия из зеленоватого сланца без шлифовки. Тщательное картирование находок позволило однозначно связать две последние находки с ранним комплексом; базальтовое тесло с подшлифовкой отне-

сено к этому же комплексу на основании общей характеристики — патина, материал, техника изготовления (Васильевский, 2005, с. 90–91, 112, рис. 25, 8–10). Показательна и находка нуклеуса, используемого в качестве рубящего орудия, на верхнепалеолитической ст. Сокол на Сахалине (Голубев, Кононенко, 1981, с. 29).

Не менее интересны материалы поселения Суворово 4 в Приморье, где была обнаружена целая серия орудий, связанных с деревообработкой, в том числе рубящие орудия различных модификаций, резчики, скобели. Такой состав инструментария в сочетании с особенностями расположения памятника позволили исследователям даже предположить существование определенной сезонно-промысловой специфики этого памятника (Васильевский и др., 1997, с. 12; Крупянку, Табарев, 2001, с. 52–53). Различные деревообрабатывающие инструменты представлены и на других памятниках устиновской культуры Приморья: Устиновка 3, 4, 6; Суворово 3, 6, Суворово-Мастерская (Кононенко, 1994, с. 129–131; Васильевский и др., 1997). На Амуре рубящие изделия с подшлифовкой, связанные с деревообработкой, найдены в комплексах осиповской культуры (Осиновая Речка 10, Гончарка 1, Гася) (Шевкомуд, 1996, с. 240; 2003, с. 67; Медведев, 2005, с. 238). Интересные данные приводятся и по памятникам селемджинской верхнепалеолитической культуры и граматухинской культуры переходного этапа от палеолита к неолиту Среднего Амура. При функциональном анализе орудийных наборов выяснилось, что доля орудий, связанных с обработкой камня, в граматухинской культуре стремительно сокращается (с 27 до 2,6%) по сравнению с селемджинской, и совершенно противоположная тенденция отмечается в комплексах этих культур для орудий, связанных с обработкой дерева и кости (с 10,7 до 21,7%) (Деревянко и др., 1998, с. 69).

Несколько позже появляются в регионе наконечники стрел. Это связывается с окончательным оформлением орудийного набора, необходимого для новых форм охоты. Связать их с переходом к эксплуатации морских и речных ресурсов довольно сложно. В то же время не исключено, что становление этого вида оружия могло осуществляться и в рамках освоения морских и речных ресурсов в качестве орудия для лова рыбы — см. выше о находках костей лосося и на-

конечников стрел в Японии (Икава-Смит, 2005, с. 150). На территории Приморья первые наконечники стрел были сделаны на ст. Устиновка 6 (11750 ± 620 — 11550 ± 240). Целые серии таких изделий обнаружены на ст. Устиновка 3 (9300 ± 30). На Нижнем Амуре наконечники стрел встречаются практически во всех памятниках осиповской культуры, причем сериями и в различных модификациях (Гончарка 1, Осиновая Речка 10, 16, Гася). Показательна находка на одном из этих памятников характерного изделия — лощителя для древков стрел. На Среднем Амуре наконечники стрел известны в памятниках граматухинской культуры и последнего этапа развития селемджинской культуры. Следует иметь в виду, что для индустрий конца палеолита в бассейне Японского моря вообще были характерны довольно крупные бифасиальные изделия, которые, вероятно, использовались в качестве наконечников. Поэтому нижняя граница появления в комплексах наконечников стрел довольно условна. В приведенном списке речь идет о типично неолитических грациальных наконечниках, обработанных тонкой отжимной ретушью.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о появлении углубленных жилищ. Это важно и с точки зрения поиска возможных доказательств раннего перехода к использованию лососевых ресурсов, что обычно трактуется в трудах дальневосточных исследователей как показатель оседлости, и с точки зрения общей характеристики образа жизни древнего населения в процессе его постепенного перехода к неолиту. С самого начала изучения неолитических памятников южной части Дальнего Востока специалисты отмечали характерный для их создателей оседлый образ жизни и жилища, углубленные в землю; полуземлянки считались одним из признаков такого образа жизни. Однако доказательства раннего перехода к оседлому образу жизни в бассейне Японского моря пока нет. Если опираться только на непротиворечивые источники, то следует признать: полуземлянки здесь появляются только в классических культурах неолита (см. обзор источников: Крупяно, Табарев, 2001, с. 60–75). По материалам соседних регионов также отмечается, что переход к неолиту не был связан с переходом к оседлому образу жизни.

Наземные сооружения появляются еще на этапе позднего палеолита, но имеющиеся материалы фрагментарны и вызывают массу критики и скепсиса со стороны специалистов. Единственное исключение — недавние находки на Сахалине, где в третьем горизонте 3 ст. Огоньки 5 выявлены два овальных в плане пятна, отстоящих друг от друга на 5 м, площадь пятен порядка 40–50 кв.м., с каждым из них связаны очаги-ямы, высокая концентрация находок, частые углестые включения. Эти два пятна были интерпретированы как остатки двух наземных жилищ. Более того, аплицирование находок показало, что нуклеусы из жилища-скопления переносились в другое, а затем обратно (Василевский, 2005). Следует отметить, что как бы ни были противоречивы и разрозненны имеющиеся материалы, специалисты выделяют во всех потенциальных «жилищах» или «жилищных конструкциях» два общих момента, как будто не вызывающих возражений: планиграфическую приуроченность скоплений материала к следам кострищ или очагов и приуроченность скоплений материала и кострищ к особенностям микрорельефа — промоинам, овражкам, естественным уступам и т.п. (Крупяно, Табарев, 2001, с. 73).

Одной из важных примет неолитизации на юге Дальнего Востока России считается появление в археологических комплексах артефактов из камня неутилитарного назначения, а также ритуальных комплексов. О найденных изображениях лосося уже говорилось выше. Есть находка каменной скульптурки птицы в Приморье (Устиновка 1) (Табарев, 2002, р. 118), известны фигурки меведей на Среднем Амуре (Малые Куруктачи) и в Приморье (Устиновка 1) (Табарев, 1995, с. 71–72). Все изделия найдены на памятниках с радиоуглеродными датами в пределах 13000–10000 л.н.

Очень любопытны данные о ритуализации бифасов. Одной из находок, подтверждающих это, является бифас со ст. Суворово 6, у которого специально был сохранен участок плитчатой корки с отпечатком листа, похожего на современный папоротник. Этой находке придается большое значение, так как она не только свидетельствует о своеобразном «палеодизайне», но и о том, что бифас в культуре человека того времени занимал исключительное место, являясь не только изделием утилитарного назначения, но и, возможно,

атрибутом ритуалов, где он мог использоваться в качестве подвесок, жезлов, танцевальных принадлежностей и т.п. (Крупянку, Табарев, 2001, с. 75–87).

Есть и другие находки, подтверждающие ритуализацию бифасов в рассматриваемое время. В материалах ст. Устиновка 4 в Приморье был обнаружен интересный комплекс из семи бифасов. Он имел округлые очертания, по периметру круга, диаметр которого составлял меньше 50 см, располагались бифасы меньшего размера, а в центре круга более узкой частью вниз был воткнут в землю более крупный бифас (Дуаков, 1997). Неслучайный характер такой композиции подтверждается другой находкой, в этот раз сделанной на поселении Суворово 6. Здесь, примерно в метре от кострища, между валунами элювиального цоколя был обнаружен шестигранный стержень, помещенный под углом 60°. Шестигранность его доказательно не связывается с деятельностью человека, но тот факт, что он был специально принесен на стоянку и установлен в расщелину между валунами, не вызывает сомнений. Причем участок, где был обнаружен этот комплекс, был расположен на самом высоком и видном месте стоянки (Крупянку, Табарев, 2001, с. 26–27). Сходный ансамбль был зафиксирован и на ст. Баркасная Сопка 3 на Селемдже. Здесь в центре площадки, где располагались основные скопления артефактов, был найден комплекс с жезлом. Жезл представлял собой цилиндрический артефакт с насечками на боковых сторонах, а рядом с ним залежали артефакты и особенно много нуклеусов, другие подробности пока не известны (Дервянко и др., 1998, с. 32–33).

Исследователи обращают внимание на схожесть композиции во всех перечисленных комплексах: вертикально установленный символ, окруженный камнями в двух первых случаях и вертикальный же символ в окружении значимых артефактов в третьем случае. И, конечно же, ими проводятся параллели с Японским архипелагом, где одной из наиболее ярких находок эпохи дзэмон являются каменные столбы в окружении каменных обкладок. Традиционно их либо связывают с фаллической символикой, либо рассматривают в контексте мифа о солярных супругах, где скала, каменный столб выступают как средство переправы через водную преграду.

Интересно, что в памятниках транзитного периода практически нет украшений. Исключение составляет информация о находке ожерелья в одном из жилищ на поселении Хумми осиповской культуры (Япшина, 1999, с. 86–87). Однако связь их с комплексом осиповской культуры не устанавливается однозначно, не понятен и характер самих жилищ. Ожерелье состоит из цилиндрических бус и плоских каменных колец и в целом не противоречит возможности соотнесения с неолитическими и палеометаллическими культурами Приамурья, представленными на памятнике. Упоминаются также каменные подвески в материалах ст. Устиновка 6, 3, однако подробного описания их в литературе нет (Кононенко, 2005, с. 63, 65).

Таким образом, подводя некоторые итоги нашему обзору, отметим, что в отношении памятников переходного периода от палеолита к неолиту у дальневосточных археологов сложилась своеобразная система взглядов. Нельзя не обратить внимание на ее ярко выраженный адаптационный характер: процесс неолитизации понимается ими исключительно как процесс адаптации к меняющимся условиям среды, связанный с освоением речных ресурсов, прежде всего лосося феномена. Не имея в настоящий момент никаких серьезных доводов для несогласия с этой позицией, все же хотелось бы высказать свои замечания на ее счет.

Во-первых, при таком подходе, учитывая, что на Дальнем Востоке неолитизация начинается раньше, чем в других регионах, само понятие неолита получается несколько «одальневосточенным», а феномен неолита оказывается обязанным своему происхождению лишь специфическому виду адаптации. Это со всей очевидностью вытекает из построений дальневосточных ученых, а учитывая, сколь ответственным оказывается этот вывод, им, по-видимому, необходимо приложить дополнительные усилия для аргументации.

Во-вторых, вызывает возражение стремление дальневосточных археологов понимать события переходного периода от палеолита к неолиту исключительно как адаптивную реакцию древнего человека. Последний при таком подходе оказывается пассивным приспособленцем и полностью лишается своего творческого гения. Это тем более неправильно, что материалы дальневосточного

региона как раз свидетельствуют об обратном. В конце плейстоцена здесь сложилась очень динамично развивавшаяся культурная среда, и основным фактором в ее развитии был именно человек с его способностью к самосовершенствованию. Об этом свидетельствует и то, как стремительно и творчески развивались микропластинчатые индустрии в регионе, и налаженный обмен между различными территориями региона (обсидиановые миграции), и появление керамики.

В заключение было бы интересно наложить все отмеченные выше события переходного этапа от палеолита к неолиту на единую хронологическую шкалу (табл.). Процесс неолитизации предстает перед нами поэтапным.

Первый этап (22000–13000 л.н.) связан с появлением и развитием в регионе микропластинчатых индустрий, неолитические инновации здесь встречаются, но редко. Среди них можно отметить топоры, один из них с подшлифовкой, из нижнего горизонта ст. Огоньки 5 на Сахалине, серию рубящих орудий, нож с подшлифовкой, грузило и два рыбных ножа со ст. Суворово 4 в Приморье. Материалы этого этапа целиком укладываются в рамки представлений о завершающем этапе верхнего палеолита.

Второй этап (13000–10000), с одной стороны, отмечен появлением сразу всех неолитических новаций (керамики, наконечников стрел, кремневой скульптуры), активизацией обсидианового обмена, внедрением техники шлифования и тонкой отжимной ретуши. С другой стороны, на этом этапе своего максимального развития достигает и микропластинчатая техника, характерная для верхнего палеолита, на ее основе формируются микропризматическая и призматическая индустрии. Все эти явления сопровождаются резким увеличением числа археологических памятников в регионе.

Важной характеристикой этапа следует также считать некоторую неравномерность процесса неолитизации. Сложность культурных процессов, накладывающаяся на природно-климатические и ресурсные особенности конкретных регионов, приводит к тому, что все названные техники оказываются по-разному представлены в комплексах переходного этапа, создавая в целом очень мозаичную картину.

На территории Нижнего Амура внезапно (здесь отсутствуют предшествующие памятники

с верхнепалеолитическими индустриями) появляется осиповская культура с уже сформировавшейся неолитической триадой и очень бедно представленной микропластинчатой техникой. Одновременно на этой территории появляются единичные памятники, полностью лишённые каких-либо неолитических новаций (Голый Мыс 1). На Среднем Амуре и в Приморье на этом этапе своего наивысшего расцвета достигают микропластинчатые комплексы селемджинской и устиновской культур. При этом в них серийно отмечается присутствие неолитических новаций, в том числе и керамики, но здесь она представлена намного беднее, чем на Нижнем Амуре. На Среднем Амуре на этом этапе формируются также совершенно новые комплексы, основанные на призматической индустрии и в то же время имеющие полностью сформировавшуюся неолитическую триаду — Новопетровка 2.

Не удивительно, что при столь непростой ситуации исследователям не удается прийти к согласованному решению о месте этих памятников в системе археологической периодизации региона. Осиповские, граматухинские и новопетровские памятники называют ранне-неолитическими, все остальные — верхнепалеолитическими или мезолитическими. Единственным выходом из положения стало принятие концепции переходного периода, в рамках которого существуют предшествующие верхнепалеолитические и последующие неолитические традиции (Васильевский и др., 1997; Деревянко и др., 1998; Охотники-собиратели... 2003).

Не отрицая самой возможности подобной интерпретации второго этапа, все же отметим, что обращение к термину «переходный период» оправданно лишь в том случае, когда нужно объяснить направленность каких-то процессов, показать их переходный характер. В тех случаях, когда требуется включить эти процессы в рамки археологической периодизации, обращение к этому понятию только запутывает ситуацию. Все мы знаем, что новое формируется еще в рамках старого, а старое потом еще долго существует в рамках нового. Исходя из этого начальную и завершающую фазы развития любого явления можно назвать переходными, а это уже дорога к абсурду. Полностью подтверждает сказанное и концепция переходного периода от палеолита к неолиту на Дальнем Востоке.

Самый главный ее недостаток в том, что она не объясняет разницу между переходным этапом и ранним неолитом. Более того, эта концепция фактически не оставляет места для выделения в регионе культур раннего неолита, тогда как эта проблема является очень актуальной. Дело в том, что культуры, с которых в археологии юга Дальнего Востока России традиционно начинали эпоху неолита (рудненская, кондонская, бойсманская, южно-сахалинская), всегда отличались исключительно развитым обликом материальной культуры, этапы, когда происходило их формирование и становление, отсутствовали в регионе (см., например, Кононенко, 1995, с. 106). На этом фоне кажется вполне логичным предположить, что памятники второго этапа, или собственно переходного периода от палеолита к неолиту, и представляют тот самый искомый ранний неолит Дальнего Востока, а сложность, мозаичность и неравномерность процессов неолитизации на этом этапе прекрасно согласуются с такими выводами.

В любом случае, хотелось специально подчеркнуть, что проблема мезолита на дальневосточных материалах разворачивается как проблема раннего неолита. И такой разворот представляется чрезвычайно перспективным в отношении и материалов дальневосточного региона, и материалов других регионов Северной Евразии, и концепции мезолита в целом. Особенность материалов

Дальнего Востока, позволившая увидеть новые перспективы в понимании мезолита и его места в археологической систематике, заключается в том, что события переходного периода от палеолита к неолиту — мезолита — предстают здесь как постепенный процесс неолитизации и в плане содержательном (формирование нового хозяйственно-бытового уклада), и в плане техническом (формирование бифасиальной традиции и неолитической триады), тогда как в других регионах Северной Евразии — только в содержательном. Вопрос лишь в том, какие задачи решает археология.

И завершая наш обзор, остановимся кратко на третьем этапе развития процессов неолитизации. Он связан с формированием 7500 л.н. неолитических культур развитого облика — рудненской, кондонской, бойсманской, южно-сахалинской. Фактически это средний, или развитый, этап дальневосточного неолита, который совпадает с климатическим оптимумом голоцена. Между первыми памятниками третьего этапа и последними памятниками второго этапа существует временной разрыв примерно в 1500–2000 лет. К сожалению, этот самый интересный отрезок времени практически не документирован на юге Дальнего Востока археологическими памятниками, за исключением отдельных поселений на Сахалине (Пузи 2) и Нижнем Амуре (мариинский комплекс).

БИБЛИОГРАФИЯ

Боднев И.А. Ранние керамические комплексы Японии // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. Новосибирск, 2001. С. 11–41.

Василевский А.А. К понятию «неолит» и его периодизации на о-ве Сахалин // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток, 2000.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2003.

Василевский А.А. Поздний палеолит Сахалина. 33000–11000 л.н. // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок Майны). СПб., 1996.

Васильевский Р.С., Гладышев С.А. Верхний палеолит Южного Приморья. Новосибирск, 1989.

Васильевский Р.С., Крупяно А.А., Табарев А.В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. Владивосток, 1997.

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск, 1999.

Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Лосось в промыслах, мифах и ритуалах древних и традиционных культур тихоокеанского Севера // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. 10, ч. 1.

Гарковик А.В. Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Голубев В.А., Кононенко Н.А. Докерамические комплекс Сахалина в свете трасологических исследований // Методы естественных наук в изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1981.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. Новосибирск, 1998.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи и проблема перехода к неолиту // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996.

Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка 4). Владивосток, 2000.

Жущиховская И.С. Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии (проблемы систематизации, технологии, генезиса) // Актуальные проблемы дальневосточной археологии: Тр. ИИАЭНДВ. Владивосток, 2002. Т. XI.

Икава-Смит Ф. Жизнь на краю континента: Японский архипелаг в период 30000–10000 л.н. до н.э. // Северная Пасифика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцена. Магадан, 2005.

Кононенко Н.А. Докерамические и неолитические комплексы Приморья: некоторые аспекты формирования и развития // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. Владивосток, 1994.

Кононенко Н.А., Кадзивара Х. Археологические открытия в Приморье // Россия и АТР. 1995. № 1.

Кононенко Н.А. Стоянка Устиновка 3 и проблема перехода от палеолита к неолиту в Приморье // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996.

Кононенко Н.А. Динамика освоения юга Дальнего Востока России в конце плейстоцена // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 59–85.

Крупянюк А.А. Артефакты со следами шлифовки из докерамического комплекса памятника Устиновка 4 (Приморье) // Проблемы археологии Северной Азии. Чита, 1988.

Крупянюк А.А. Использование абразивной техники на докерамических памятниках Приморья // Материальная культура и проблемы археологической реконструкции. Новосибирск, 1991.

Крупянюк А.А. Сырьевая база каменной индустрии: комплекс археологических и геологических данных // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996.

Крупянюк А.А., Табаров А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. Новосибирск, 2001.

Кузнецов А.М. Микропластинчатая техника в каменном веке Дальнего Востока // XV Дальневосточная научная конференция «XVII съезд КПСС и проблемы развития Дальнего Востока СССР и зарубежных государств Азии». Владивосток, 1986.

Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. Владивосток, 1992.

Кузнецов А.М. Неолит пластинчатой традиции в каменном веке Дальнего Востока // Сравнительные археологические исследования культур доисторического периода в Северо-Восточной Азии. Китаюсю, 2002.

Кузьмин Я.В. Радиоуглеродная хронология микропластинчатой индустрии палеолита на юге Дальнего Востока России: результаты и проблемы // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке. Владивосток, 2002.

Кузьмин Я.В., Попов В.К., Гласкок М.Д., Шекли М.С. Источники обсидианового сырья микропластинчатых докерамических комплексов Приморья (Дальний Восток России) // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке. Владивосток, 2002.

Кузьмин Я.В. Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект) // РА. 2004. № 2.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток, 2005.

Лапшина З.С. Древности озера Хумми. Хабаровск, 1999.

Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. № 1.

Медведев В.Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005.

Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена-голоцена. Новосибирск, 2003.

Петров В.Г. Геолого-геоморфологическая и стратиграфическая ситуация в районе позднепалеолитического памятника Ходулиха 2 // Четвертые Гродековские чтения: Материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Хабаровск, 2004.

Попов В.К., Кузьмин Я.В., Шевкомуд И.Я., Гребенников А.В., Гласкок М.Д., Зайцев Н.Н., Петров В.Г., Наумченко Б.В., Конопацкий А.К. Обсидиан в археологических памятниках Среднего и Нижнего Приамурья: геохимический состав и источники // Пятое Гродековские чтения: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Амур — дорога тысячелетий». Хабаровск, 2006.

Праслов Н.Д. О керамике эпохи верхнего палеолита в северной Евразии // Археологические вести. 1992. № 1.

Табарев А.В. Исследования палеолитического памятника Малые Куруктачи на Среднем Амуре // Традиционная культура Востока Азии: археология и культурная антропология. Благовещенск, 1995.

Табарев А.В., Крупянюк А.А. Продолжение исследований стоянок Суворово 3 и Суворово 4 в Приморье

в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998.

Табарев А.В. Ритаульная атрибутика финального палеолита Приморья // Широкогоровские чтения (проблемы антропологии и этнологии). Владивосток, 2001.

Табарев А.В. Освоение человеком тихоокеанских побережий на рубеже плейстоцена и голоцена: Автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2004.

Табарев А.В. Пластинчатые традиции в неолите Приморья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1.

Фудзимото Т. Микролиты (Значение и соотношение между материалами Хоккайдо и Восточной Сибири). Токио, 1990. (на япон. яз.)

Шевкомуд И.Я. Стоянка Гончарка 1 и некоторые проблемы мезо-неолитических комплексов на Нижнем Амуре // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996.

Шевкомуд И.Я. Осиновая речка 10 — новый памятник переходного периода от палеолита к неолиту на Нижнем Амуре // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск, 2003.

Эверстов С.И. Рыболовство в каменном веке Восточной Сибири: Автореф. дис. ... к.и.н. Якутск, 1988.

Adovasio J., Soffer O., Klima B. Upper Paleolithic fibre technology: interlaced woven finds from Pavlov 1, Czech Republic // *Antiquity*. 1996. Vol. 70 (296).

Dyakov V. The Oldest Habitation Site on the West Coast of Sea of Japan // *Current Research in the Pleistocene*. 1997. Vol. 14.

Junko Habu. Ancient Jomon of Japan. Cambridge, 2004.

Kuzmin Ya. Introduction: Changing the paradigm // *The Review of Archaeology*. 2003. Vol. 24. No. 2.

Tabarev A. People of Salmon: Technology, Art and Ritual of the stone Age Cultures, Russian Far East // *Сравнительные археологические исследования культур доисторического периода в Северо-Восточной Азии*. Китаюсю, 2002.

Underhill A. Current issues in Chinese Neolithic Archaeology // *Jornal of World Prehistory*. 1997. Vol. 11 (2).